ИЮЛЬ 1927 г. № 28 ЦЕНА 15 КОП.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ МОДНЫЙ НОМЕР

Рис. К. Ротова

ТРУДНЫЙ ШАГ

Один только шаг отделяет ее от этих женщин. Но сделать этот шаг она не может: у нее слишком узкая юбка.

ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ...

Рис. Ив. Малютина

**Встарину,—известно нам,—
Обнажаться было в моде,
И обычно плечи дам
Оголялись в этом роде.**

**У мужчин, наоборот,
Были скромные манеры
И порой по самый рот
Закрывались кавалеры.**

**Времена теперь не те,
Сплошь пошли другие лица.
Физкультурник —„в декольте“:
Не стыдится оголиться.**

**Юным мода не указ —
„Не хотим считаться с нею!“—
Часто девушки у нас
Закрываются по шею.**

МОДНАЯ БОЛЕЗНЬ

Лет сто назад болезни этой не знал врачебный персонал,
И случай, прессою воспетый, впервые занесли в аннал —

Когда чевой-то стало твердо (редчайший казус на земле!)
У респектабельного лорда на респектабельном челе.

Синклит врачей взялся ретиво и после длительных потуг
„Bezmozglika conservativa“ *) квалифицировал недуг.

И вот, поветрие-ль, зараза, но только, в пику мудрецам,
Болезнь все чаще, раз от раза, пошла по замкам и дворцам,

И липла к пэрам и к особам на протяженьи многих лет —
И поголовно твердолобым стал родовитый высший свет.

Оно-б и кончено! И баста! Здесь вывод ясный и простой:
Пускай блистательная каста заражена болезнью той,

Пускай сановные особы, уж если жребий их таков,
И пребывают твердолобы — хоть до скончания веков!

Но мы стоим пред новой фазой. Летит молва. Встревожен свет.
Представьте: модною заразой настигнут желтый Генсовет.

И у вождей трэд-юнионов, по злой иронии судьбы,
Буквально на глазах миллионов твердеют вдумчивые лбы.

ЖЕЛЧНЫЙ ПОЭТ

*) Лотинское название. По русски: консервативное безмозглие. То-же самое, но не так научно.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНЫХ МОД

Романы теперь снова стали носить очень узкие и цвета желтого пламени, как двадцать лет тому назад при Арцыбашеве и Вербицкой.

Отделка — красное с белым. Красное сверху, чтобы замечали сверху... Белое снизу—для литературных низов, так сказать, для подонков, которым белый свет еще бывает мил...

Считается очень модным сейчас отделать роман желтеньким кружевцом домашнего кустарного производства.

Это делает фасон романа похожим на французский, что всегда ценилось издательствами и публикой.

Романы ярких красок попадаются сейчас довольно редко. Зато все они почти, за весьма редкими исключениями, мат...овые.

Не только каждая страница, но почти что каждая строчка (мы имеем в виду строчку, которую делают пером, а не иглой) с очень сильным матовым оттенком.

Невинную, хотя и несколько дикую прелесть, придает современному роману маленькая кокетливая безграмотность.

Романисты снова стали писать: „Одеть шапку“, „Одеть пальто“, „Раздеть перчатки“.

Большим шиком для романа являются нынче „бытовые“ слова. По большей части их в городе не понимают, вследствие чего их считают деревенскими, бытовыми. В деревне же их тоже не понимают, вследствие чего их считают городскими бытовыми словами.

Как бы то ни было, но такие слова очень украшают всякое литературное произведение.

Что, например, может быть красивее таких слов, искусно сложенных в фразы:

— „Музуравал лататник, гломпуя гломпалами во все глузулки“.

— „Шмаруя и шмурыгая, Василий базыкался и крепко шурувал: „Эх, вы гедройцы проклятые! Волоколамствуете, а как деревянить, так сейчас на мазилку“.

Слова непонятные, но сколько в них силы! Сколько шику! Сколько свежести и новизны!

Мода на „бытовые“ слова очень велика, и авторы заготовляют их сотнями, готовясь к капитальному литературному труду.

Повести и рассказы, очерки, наброски, новеллы и т. д. делаются, конечно, по тем же выкройкам, только на несколько номеров мерка снимается меньше. Перейдем поэтому к театру.

О драмах говорить не приходится. Их за последнее время не пишут. Есть одна драма и то с веселым названием — „Свадьба“, да еще „медвежья“, да еще переделка с французского романа из польской жизни.

Комедий довольно много. Мода менялась тут несколько раз.

Сначала была мода на балы и на ГПУ. В каждой комедии обязательно был бал, на который неожиданно являлись агенты ГПУ и арестовывали кого надо. Это считалось самым модным и веселым концом.

Потом пошла мода на взяточника.

Публика ни за что не соглашалась смеяться, когда на сцене не выводили взяточника.

Судя по некоторым признакам, сейчас утверждается мода на растратчика.

Но самой наимоднейшей модой и наиболее постоянной оказалась мода „наплевизма“ на автора.

Режиссер брал пьесу и первым долгом выбрасывал все слова, вставленные автором, и заменял их словами совершенно противоположного характера.

Когда у автора слова были веселые, режиссер заменял их грустными и наоборот.

Последним криком театральной моды считалось, однако, совершенное отсутствие слов, даже отсутствие актеров.

Пьеса состояла почти из одних стульев, стильных диванчиков, очень хорошеньких столиков, режиссера и других глубоко неодушевленных предметов.

Автор чувствует, что наступил момент перейти к нашей поэзии и поэтам, но сделать это он считает неудобным в виду того, что вся статья его написана стихами...

Автор полагает, что по богатству рифм сия его статья ничуть не уступает лучшему стихотворному произведению лучшего, ну, скажем, из Лефовцев.

Здесь, так же как у самоновейших поэтов, незримые стихи сквозь зримую прозу...

Это в данный момент и есть последний „дых“ моды...

О. Л. Д'ОР

МОДЕС ЕТ РОБЕС

НЕДОСТАТОЧНО свободно владея французским языком, я долго был в заблуждении относительно второй части вывески:

„Modes et robes“.

Я переводил, основываясь на житейском опыте, так:

„Моды и несчастные мужья“.

И только впоследствии узнал, что „robes“ — это просто — „платья“.

Но ведь если говорить о модах, то в платьях и заключается вся соль.

С платьем у меня связано одно любопытное воспоминание.

Это было недавно. Как-то, вечером, жена заглянула в сундук.

Вы знаете эти замечательные сундуки? Они пахнут нафталином, и на дне обязательно лежит пара венчальных свечей.

Но это — как правило. В виде исключения, на дне женина сундука лежат только ленты от свечей. Свечи использованы в голодный год, когда была заминка с электричеством и дровами.

Итак, жена заглянула в сундук и вытащила оттуда нечто.

— Вот чудесное открытие! Смотри-ка, что я нашла! — воскликнула она, разворачивая громадное полотнище.

Я спросил:

— Походная палатка? Откуда она у тебя?

Жена презрительно скривила пунцовые губы. Припоминаю, что это же характерное выражение она придавала губам и прежде, всякий раз, когда сталкивалась с моим мужским невежеством. Но тогда, без яркой раскраски, губы не так бросались в глаза.

— Па-латка! Много ты понимаешь! Разве на палатках бывают такие разрезы сверху, возле талии, и крючки с петлями?! Это, милый, юбка, чудесная шелковая юбка, которую я носила в 1915 году. Теперь она совсем совсем немодна. Смешно даже представить, что я ее когда-то носила! Но ты взгляни, сколько тут матерьяла!

— Н-да...— согласился я, внимательно читая передовую о планах Муссолини: — Действительно...

— Господи! Даже не взглянет на юбку собственной жены!.

— Но, дорогая, чего ты от меня хочешь? Раз ты утверждаешь, что носила в 1915 году эту юбку, (хотя мне все же кажется, что это — палатка!), значит, я уже имел случай видеть ее.

— Дурачок! Ты и не подозреваешь, чего я только не сделаю из этой юбки!

Жена вооружилась ножницами и, решительно тряхнув волосами (жест, который особенно удается ей теперь, при короткосрезанных волосах), принялась за работу.

Вот подробный перечень того, что ей, действительно, удалось сделать из юбки образца 1915 года:

1) прелестное платье для себя,

2) длинненький костюмчик для дочери,

3) штанишки для сына

и, наконец,

4) восхитительно просторную толстовку для меня.

Таким образом, вся наша семья дружно поместилась в одной юбке.

Сейчас я сижу, распахнув ворот своей доли замечательной юбки, и с горечью размышляю о будущем.

Увы! — оно рисуется мне мрачно.

Несомненно, будет момент, когда, лет через пять, в 1932 году, жена снова заглянет в свой волшебный сундук.

И, сделав „открытие“, вытащит на свет какую-нибудь юбку, скажем, 1929 года.

И снова, по своей мужской наивности, я не угадаю, что это за вещь, и презрительно скривятся женины губы (возможно, что тогда они будут черные с золотистым отливом, или синие, в белую крапинку).

И, тряхнув головой, отяжеленной жгутами громадной прически, она медленно, чтобы не запутаться в длинной и широкой юбке, подойдет с находкой к своему рабочему столу.

И потом, помудрив над юбкой 1929 года, задумчиво скажет:

— Много из нее не выкроишь... Как смешно! Неужели я могла ее носить?! Все же, я думаю, из нее выйдет... Ну, да! должно хватить... выйдет чудный парадный носовой платок для тебя!

А толстовка?

А костюм для дочери?

А штаны для сына?

Все это отодвинется на несколько лет вперед — к тому времени, когда из моды выйдет юбка 1932 года.

ИВ. ПРУТКОВ

МЫСЛИ О МОДАХ

(Из дневника счетовода Птицына)

◆ Нечего ходить „руки в брюки“, когда брюки „из рук вон“.

◆ У нас в правлении все придерживаются летней моды: распоясались до последней степени.

◆ Какой модник у нас Николай Петрович. Вчера ему на живот опять новые швы накладывали.

◆ — На вашем председателе костюм хорошо сидит.

— Костюм — не знаю, а вот председатель хорошо сидит. Уже шесть месяцев.

◆ Прихожу в Кожкустарь и говорю:

— Что же это такое? Только купил туфли, а уже в подметке дырка...

— Туфли тут не причем-с. А кожа, действительно, им в подметки не годится.

◆ Подслушал в зоопарке:

— Мама, почему тигр в полоску?

— Потому что в клеточку не модно.

◆ Предложили Бульбукину взятку — наотрез отказался. Потом предложили на костюм. На отрез — согласился.

◆ Еще разговор:

— Иду я по улице, Марья Филипповна, а дворник поливает из длинного рукава.

— Ах, когда же эти дворники поймут, что длинных рукавов уже не носят?..

◆ Портной меня спрашивает:

— Сделать вам модные накладные карманы?

— Нет, брат, не подведешь. С накладными теперь... во как строго!

◆ Мужской костюм лучше всего делать по лондонской моде: слева карман, справа петля для отмычек.

◆ Замечательные моды где-нибудь на Сандвичевых островах. Только один банановый листик; и менять можно каждый день — мануфактура на любом дереве...

◆ Меня оскорбили. В магазине говорят: „Это исключительная рогожка, прямо — под сукно“.

— То есть как „под сукно“? Что это за намеки?

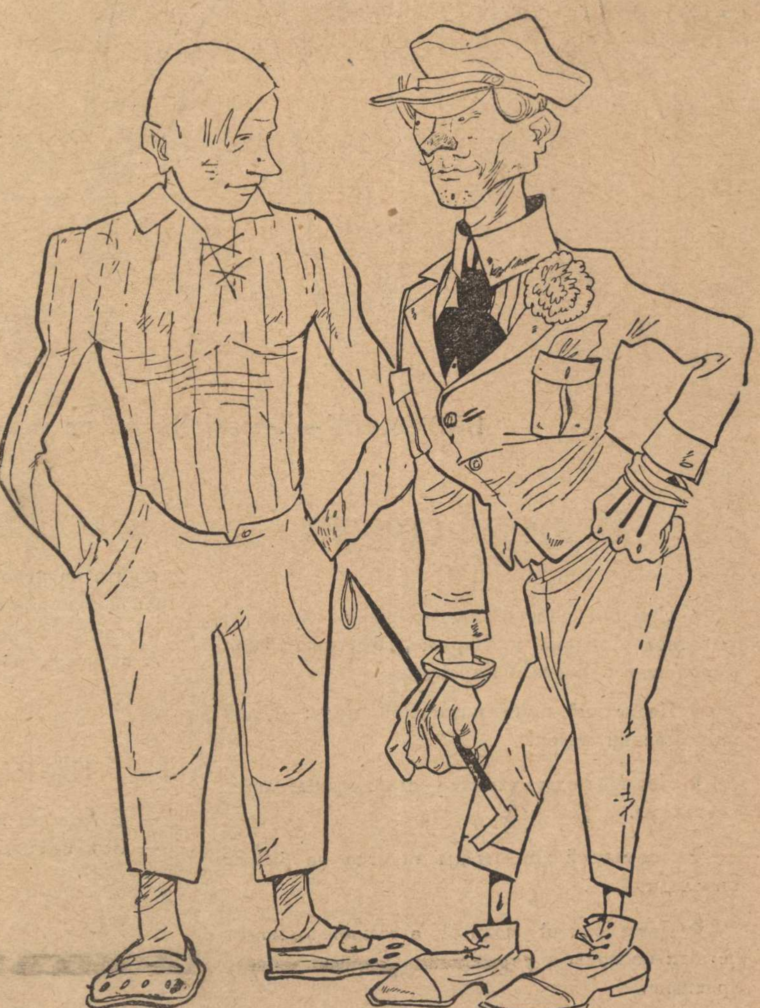
Обиделся и ушел.

◆ Шевиота теперь не носят, а возят... из кооператива к частникам.

Списал *МИХ. КОССОВСКИЙ*

НАХОДЧИВЫЙ МАЛЫЙ

Рис. Ю. Г.

— Почему у тебя манишка чистая, а рубаха вечно грязная?

— Очень просто: рубаха ведь ближе к телу.

НЕУВЯЗКА

Рис. К. Ротова.

КР 1927

БЮРОКРАТ:—Ч-чорт! Никак не могу увязать...

ДАМСКИЙ СТАНДАРТ

— Мари! Дорогая! Откуда?
— Ах! Дорочка! Вы — просто чудо!
Не платье, — а сон!
Прелестный фасон!
— Вы льстите.
— Ни капли!
— Вы льстите!
(— Вот дура!
Коровья фигура
И руки, как грабли!)
Нисколько не льщу —
Прелестнейший цвет!
А я все ищу,
Ищу, ищу —
И нет,
Ужасная драма!
Обидно!
(— Сказала бы прямо:
„Завидно“.
К тому же
При вашем то муже
На этакий цвет
Не хватит монет)
Да, мне продала это Лина,
А ей — привезли из Берлина!
Ей массу прислали хорошего,
Но, знаете,— оч-чень недешево!
— Ах, вот как? Прелестнейший цвет!
Он вас молодит на пять лет,
Он на десять вас молодит!
Вам можно сейчас дать на вид,
Особенно издали... — Боже!
Я девочкой быть не хочу!
(Взяла бы и плюнула в рожу!)
— Ах, милочка! Я же шучу...
(Ага! Ведьма толстая! Злится!)
Вам в этом костюме — лет тридцать!
— Шутница!
Наделала шуму!
Мне тридцать
И без костюма!
(— Ну да! Это так говорится!
Тебе уж лет двадцать — все тридцать!)
Нет, Дорочка! Честное слово —
Он очень фигуру худит!
— Худит, говорите? Да что вы?
(Вот дрянь-то! Зудит и зудит!)
— Нет, право! Сказать вам по дружбе —
Он — скрадывает полноту!
— А разве мне это так нужно?
(Сто жал у гадюки во рту!)
Я так располнела?
— Ах, что вы!
Нет, нет! Для себя — вы худа,
(Как будто, — худеют коровы!)
Вы даже худей, чем всегда!
— Нет, правда? Вы очень милы!
А что там за блузка у вас?
— Ах, это вчера я купила!
— Готовую? — Н-нет, на заказ!
— Чудесная! — Что вы? Нисколько!
— Прелестная! Дивная! Только...
Быть может, не знаю я мод... Но...
Мне кажется — это не модно!
— А Виктор Петрович вчера
Назвал мою блузку загадкой!
— Кто? Виктор? — Да! Мы до утра
Ха-ха — развлекались вчера.
(— Ну, это уж подло и гадко!)
Ну, прелесть моя, мне пора!
Ах, кстати! Поправьте чулок!
— Спасибо! Прощайте, дружок!
— Чмок!
— Чмок!

Пусть расколется мир пополам,
Пусть рассыпется в муках и корчах —
У последних оставшихся дам
Будет точно такой разговорчик.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

АЖУРНЫЕ СТРОЧКИ

◆ Самыми скверными портными оказались мастера Лондона и Парижа, бездарно перекроившие в Версале Европу.

◆ Последний крик китайской моды:—Долой английский фасон!

◆ Новые моды уходят — старомодные люди остаются.

◆ Последний крик моды никогда не бывает последним.

◆ Даже самый модный автомобиль может выйти из моды в учреждении. Особенно после ревизии.

◆ Мода в английских колониях не меняется. Круглый год колониальные народы носят в сердце непримиримую ненависть к Англии.

МОДНЫЙ КРУГОВОРОТ

Ничто не ново в этом мире,
Свой в модах есть круговорот:
Всегда в трамвае моден вырез,
А в учрежденьях — от... ворот!

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

— В Англии, говорят, лодочки в моде...
— Вот именно, подводные лодочки

СКРОМНОСТЬ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

— Говорят, что Макдональд скромен и не следит за модой?
— Вполне понятно — ведь он привык одеваться с барского плеча!

ЛЕТНИЕ МОДЫ

(Экскурсионное)

Нужно приложить все усилия к тому, чтобы самодеятельные кружки — вытеснили-бы пьянку на экскурсиях!

„Правда“

Мысль об экскурсии принадлежала Яну Сигизмундовичу. Во время получасового перерыва, прихлебывая чай, он сказал:

— А почему бы, товарищи, нам не поехать куда-нибудь в это воскресенье? Лето, как никак, делать по праздникам нечего, а тут поедем своей дружной семьей, на травке поваляемся, поучительные вещи послушаем...

— Это мысль,— сказал бухгалтер Иван Абрамович,— это очень даже хорошая мысль. Я так думаю, что совсем не плохо было бы поехать, ну, скажем, в Петергоф, в бывший старинный парк...

— Купим пищи всякой; там же на травке и закусим,— сказала Тамара Николаевна, машинистка учраспреда.

— И пиво захватить надо обязательно!— вставил свое слово кассир Онучкин.

Организовать экскурсию поручили Яну Сигизмундовичу. Собрали по 3 рубля —„с рыла, а семейное рыло пять целковых“, как предложил Онучкин — и утром в воскресенье выехали.

Пароходик, пыхтя, отвалил от пристани. Иван Абрамович стоял на палубе и говорил розовевшей от смущения Тамаре Николаевне:

— Мы теперь с вами совсем, как в песне „Из-за Васильевского острова на стрежень, на простор речной волны..“ Только я вовсе не хочу бросать вас в воду, хотя вы и выглядите совсем, как царица...

— Ах, что вы говорите, Иван Абрамович!— смущалась Тамара Николаевна.

— Ей-богу. А я так чувствую себя совсем, как Стенька Разин. Честное слово!

Кассир Онучкин оживился.

— Ведь он правильно говорит про Стеньку Разина, Ян Сигизмундович. Выпьем за ихнее здоровье, товарищи!

И он раскупорил бутылки. Тамара Николаевна мечтательно посмотрела на небо и сказала:

— Смотрите, какое синее небо — совсем, как лента от моей машинки.

Онучкин суетился.

— Выпьем, товарищи, за синее небо, за природу и за Тамару Николаевну вкупе. Ваше здоровье!

Сверток с провизией стал легче на полдюжины.

В бывший старинный парк приехали в бодром, приподнятом настроении. Присоединились к другим экскурсантам и оживленной толпой пошли осматривать фонтаны. Через полчаса руководитель остановился и, сделав широкий жест рукой, сказал:

— Здесь, товарищи, мы сделаем небольшую остановку, чтобы полюбоваться изумительной архитектурой дворца. Дворец этот, служивший резиденцией небольшой кучке эксплоататоров...

Онучкин наклонился к Яну Сигизмундовичу и шепнул:

— Выпьем, други милые, за архитектора — домишко хоть куда выстроил, подлец этакий.

Выпили. У фонтанов „Нимфы“ — тоже выпили. „Она, гадина, воду любит, а мы — водочку“ мотивировал Онучкин. Чтобы приучить ее к пиву, сунули нимфе бутылку в руки — „пусть тоже имеет свое удовольствие“.

У „Водолея“ задержались надолго. Ян Сигизмундович сменил загрустившего Онучкина и об'яснял:

— Водолей — это наш, это свой парень. Тут не выпить — прямо грех, товарищи. Лей воду мимо, а водку в рот, как сказал старик Державин. Ха-ха-ха!

— Ну, что я могу с собой сделать, когда для меня культурное развитие прежде всего?— тоскливо спрашивал Тамару Николаевну Иван Абрамович.—„Когда я люблю культурно-просветительную деятельность! Уж такой я человек, что культура для меня — это все. Ну, что я могу с собой поделать.

— Выпьем за культурное развитие,— подхватил жизнерадостный курьер Миша, к концу дня оказавшийся очень разговорчивым молодым человеком. Водолею оставили на закуску колбасу.

Фонтаны осматривали долго — до тех пор, пока Ян Сигизмундович, бросив в какой-то фонтан последнюю бутылку, не сказал:

— Теперь вся надежда на пароход — может, там в буфете еще пива достанем.

На пароходе пили за природу, за организатора экскурсии, за бывший старинный парк, за то, что дворец достался трудящимся. Разбили в честь курьера Миши стекло в буфете, и Онучкин, плача, говорил буфетчику:

— Да разве ж я это разбил? Это тоска моя разбила, вот что!

За тоску, однако, пришлось заплатить.

На другое утро Ян Сигизмундович на вопрос управдела—понравилось ли в Петергофе, честно ответил:

— Конечно, для экскурсий очень хорошее место — развивает кругозор и эстетический вкус масс. Но...

И он с грустным лицом развел руками:

. . . стаканы приходится возить с собой — там совершенно невозможно достать: вечная неорганизованность!

Г. СТЭФФЕН

КСТАТИ, О МОДЕ

◆ Самые модные ноты и песни — английские: они не сходят с языка и с газетных страниц.

◆ Некоторые современные кооператоры придерживаются почему-то допотопной моды — накидки.

◆ Некоторые хозяйственники чрезвычайно поэтичны: они абсолютно отвергают проз-одежду.

◆ Спецставку можно выкроить и без помощи „Женского Журнала“.

◆ Иногда бухгалтера „зашиваются“, но это не дает права считать их портными.

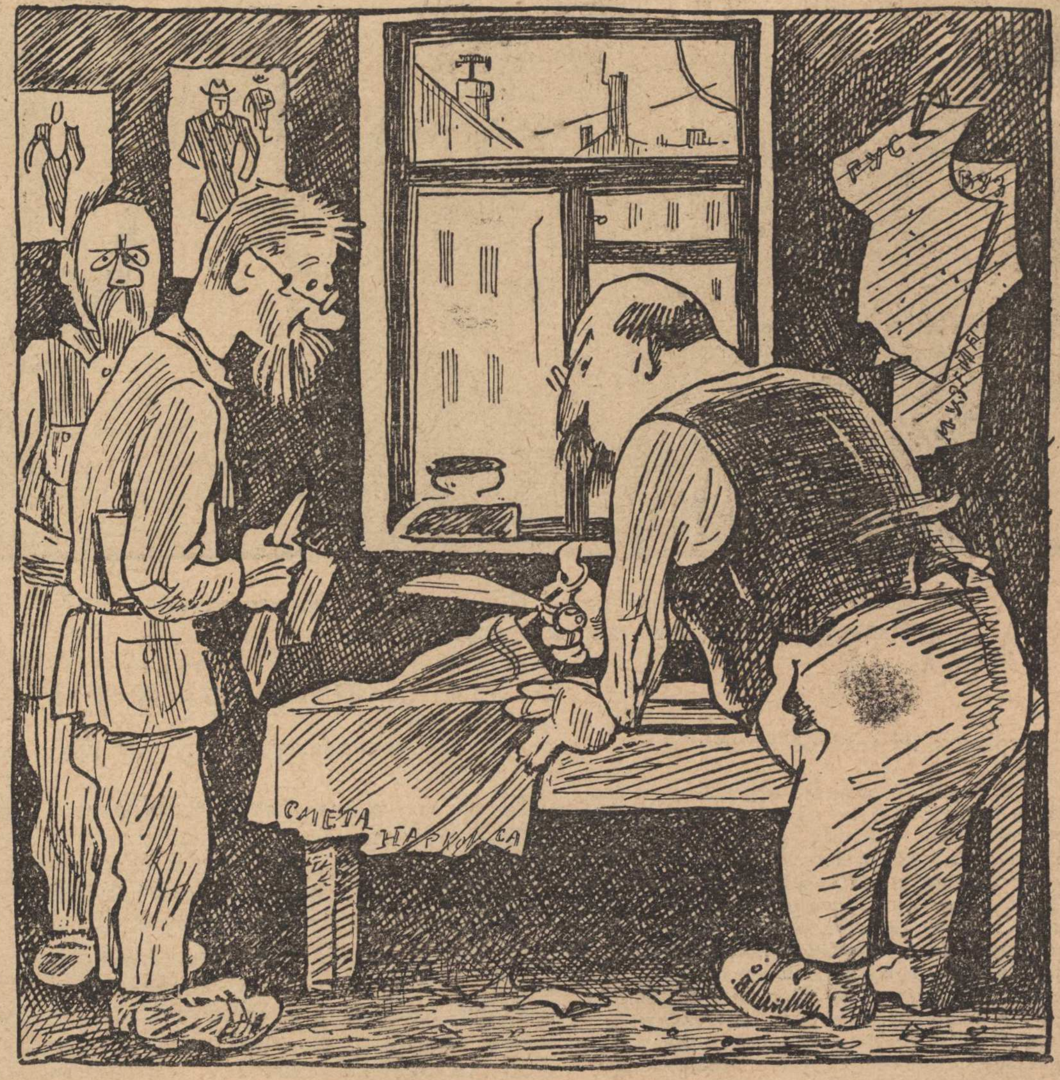
◆ Когда в охране труда „дают по шапке“,— то это выдачей проз-одежды не считается.

◆ Узкие юбки отнюдь не сдерживают движений: и в очень узкой юбке женщина может далеко зайти.

А. СТОВРАЦКИЙ

СЛОЖНЫЙ ПОКРОЙ

Рис. Н. Радлова

Учителя: — Не можете-ли вы, Анатолий Васильевич для нас еще что-нибудь выкроить?

ОТ НЕЙ ВСЕ КАЧЕСТВА

Рис. А. Радакова

— Какие платья! Какие моды! И откуда только все это берется?
— Известно откуда. Из кассы и берется.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Отрывок из модной книги:

„Он бешено сорвался с места, бешено бросился вперед, но, не найдя двери, отскочил обратно. Она отбежала от окна, когда он бросился к ней, и хотела было выбежать к нему навстречу, но почему-то не выбежала. После этого он и она сорвались со своих мест и каждый неудержимо бросился навстречу. Потом бросились кверху по лестнице, подбежали к окну, постояли около окна и опять бросились вон из помещения вниз по крутой лестнице. Выбежав на улицу, они остановились, потом быстро завертелись на крыльце, потом снова бросисились на лестницу и снова вверх и опять обратно и т. д...

Каждый, прочитавший это, скажет, что автору очень удалось описание переживаний ухаживающих друг за другом собак.

Писатель тонко передал непосредственное чувство пса („бешено сорвался с места, неудержимо бросился навстречу"), да и переживания влюбленной суки удались писателю не меньше!

Но легковерный читатель ошибется: „он" — инструктор, „она" — девушка в красном платочке, а описание их романа, так похожего на собачий, читатель найдет на 126—127 страницах книги С. Малашкина „Луна с правой стороны"...

*

Стопроцентная „голая" лирика сейчас не в моде, к ней необходимо примешивать не меньше пятидесяти процентов „злобы".

Поэт Слезавин в „Красной Панораме" (№ 24) пишет:

Вдруг шутливо закачался
Лунь — осиновый листок:
То по ниве расписался
Чуть заметный ветерок.

Чтобы сделать свое стихотворение модным на все сто процентов, поэту Слезавину следовало бы свое стихотворение закончить так:

То по ниве расписался
Чуть заметный ветерок
И проставить постарался
Исходящий номерок.

ГОЛАЯ ИСТИНА

Рис. М. Черемных

— А еще говорят, что в колониях царит угнетение! Ведь эти девушки одеваются по последней моде!

МОДНЫЕ РАССКАЗЫ

Необыкновенный молодняк, или лунатическая любовь комсомолки Клеопатры Гормоновой

...ЧТОБЫ понравиться Антону, я надела тюлевые трусики, накрасила губы и, закурив трубку, уселась в соблазнительной позе, положив ноги на стол и поплевывая через левое колено.

Увидев меня, Антон ужасно смутился, страшно покраснел, потом побледнел, и на носу у него выступили большие розовые пятна величиной с антоновское яблоко.

Мои голые ноги сияли лунами, и от них исходил запах весны, чернозема и яичного мыла. Мне захотелось подойти к Антону, обнять его мужественные колени, но вместо этого я вызывающе расхохоталась порочным смехом прямо ему в лицо и, виляя бедрами, насмешливо сказала:

— Что ж вы сидите, словно вы не мужчина, а пионер?

Антон страшно смутился, ужасно побледнел, потом покраснел, болезненная судорога прошлась по его лицу, грустно опустив голову, он глухо прошептал, поднявшись и идя к дверям:

— Вы — деклассированный элемент и мне больно смотреть на вас.

Я подбежала к нему и, задыхаясь, крикнула:

— Шутка все, что было! Уйдешь — я умру!..

Он повернулся, схватил меня, и я почувствовала, как его губы слились с моими в горячем поцелуе...

Пахло Достоевским, мочеными яблоками и пятым изданием.

Монастырская идиллия

ОБНОВЛЕНИЕ мощей святителя Иосифа было назначено в воскресенье, день пригожий, радостный и благоуханный.

Послушник Саврасий, осенив себя крестным знаменем, повалил на траву, влажную и зеленую, Олимпиаду многопудовую, мягко перинную, сорвал с нее платье шелковое, праздничное и приложился к телу пышному и сдобному.

Благостно перекликались колокола, доносились звуки священного песнопения, умилительные и елейные...

И опять, осенив себя крестным знаменем, повалил Саврасий на траву, смятую и усохшую, Олимпиаду, сомлевшую и распаренную, и припал к телу ее с ликованием радостным и великим.

И так далее, пока не иссякнут чернила.

Стальная любовь

В СЛЕСАРНОМ цехе, в углу, крепко прижавшись друг к другу, сидят работница Маша и рабкор Павел.

На их лицах отблески доменных печей, вагранок и горнов. Моторами стучат сердца. Шепчет Павел:

— Машук! Краля моя сознательная! Для тебя я построю завод, оборудованный по последнему слову техники. В каждом цехе будет бак с кипяченой водой и в каждом окне — вентилятор.

Шепчет Павел. Чувствует теплоту ее крепкой, круглой, словно выточенной на токарном станке, груди. Охваченный творческим порывом, декламирует:

В слесарном цехе скребутся мыши.
В слесарном цехе, где сталь и медь,
Хочу одежды с тебя сорвать я,
Всегда и всюду тебя иметь..

Маша склоняет голову на могучую грудь Павла и . . . . Победно гудят гудки. Вздымаются горны. Пышут вагранки.

Алое знамя зари сквозь пыльные окна слесарного цеха благословляет пролелюбовь, крепкую, как сталь, и могучую, как паровой молот.

Кочетиная судорога

ПРОШЕДШИЙ дождь только что оплодотворил землю, и она буйно рожала технические культуры и корнеплоды.

На случном пункте ржали племенные жеребцы, сладострастно хрюкали хряки, дергались судорогой кочеты.

Матвей подошел к Акулине и, схватив ее в могучие черноземные об'ятья, зашептал на ухо:

— Акуль, а Акуль! Пойдем, что-ли?

— Пусти, охальник!—притворно грозно крикнула Акулина, а сама почувствовала, как в сладкой истоме закружилась голова и волны горячей крови подкатили к сердцу.

Матвей потащил ее к овину, на ходу торопливо бормоча:

— Ты, Акуль, не ломайся. Читатель ждет. Читатель нынче такой, что без этого нельзя. Потрафлять мы должны читателю. У него, чай, уж слюнки текут. Потарапливайся! . . . .

Растерянно ржали жеребцы, грустно кукарекали петухи, укоризненно хрюкали свиньи и целомудренно отворачивались от овина.

Пели пташки. Автор получал повышенный гонорар сразу в четырех издательствах.

АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ

В МОСКВОШВЕЕ

В группе бельевого товара наблюдаются случаи изменения покроя белья в сторону экономии материи, отчего белье является обуженным. Такое белье получается от „Москвошвея“.

Дама с мальчиком у прилавка.

— Дайте детскую рубашку!

— Детских нет.

— Тогда дайте мужскую, только такую, которая после снижения цен: она мне как раз впору будет.

МОДА НА БАКАЛЕЮ

В искусстве театра теперь пошла мода на бакалею и деликатессы. В Большом театре то „З апельсина“, то „Красный мак“. Совсем лавка „Коммунар № 49“. Однако, снижения цен на эти продукты—не произведено. Себестоимость высокая.

ПОДСЛУШАННОЕ

— Ах, Манечка, я сегодня так устала, так устала... Я все магазины перерыла.— все искала лиловый креп-де-шин.

— Ну и что: нашла, купила?

— Нет, у меня просто был свободный день.

—

— Уж очень хочется получить научную командировку за границу... Я купил бы там себе кожаное пальто на обезьяньем меху...

—

— Ну, а как Сергей?

— Да он яет должности, как перчатки. Пять лет в бумтресте и все помощником делопроизводителя.

НУ, СПАСИБО!

Рис. Б. Малаховского

— Ну, тут уж „Смехач“ придраться не может. На эти-то предметы цены снижены. Как раз — к модному номеру.

ЧГО ЊОСЯТ В ЕВРОПЕ

Белогвардейцы носят польскому прокурору цветы и президенту просьбы о постановке памятника Каверде.

В Финляндии министры носят траур по Эльвенгрену и довольно длинные носы после ответной ноты Литвинова.

В Италии носят раненых рабочих в больницы.. Та же мода и в Болгарии. Впрочем, там больше носят покойников после демонстрации.

ВАША ЛЮБИМАЯ ФИЛЬМА?

Лига наций. — Багдадский вор.
Чемберлен.— Рабы океана.
Хикс.— Дом ненависти.
Милюков.— На старых путях.
Врангель.— Остров Мертвецов.
Романовы.— Сломанная Лилия.
Чан-Кай-ши.— Чашка чаю.
Английские министры.— Нефть, последн. заграничная новинка с уч. Монти Бекс.
Бриан.—Силуэты старого Парижа.
Пуанкаре.— Война Миров.
Муссолипи —Долина Смерти.
Польские министры.— Жуткая Правда.
Делегаты Женевской конференции по разоружению. — Дружные Соседи, с уч. Монти Бенкс.
Авереску.— Процесс о 3 миллионах.
Шилянин.— Солистка его величества.

ХОМА БРУТ

ЖЕРТВА МОДЫ

Капитаны волжских пароходов—добродушные толстяки, взобравшись на капитанский мостик, как правило, обязательно ругаются. В бога, селезенку, мачту, клюкву. Потому, какой же это капитан, раз он не ругается!

В домашней обстановке этот же капитан качает ребят на своих коленях, поливает цветы и с удовольствием слушает канарейку...

Хирурги. Вежливые, тихие, чисто выбритые хирурги. А посмотрите, что они выделывают во время операции.

Следуя моде, бросают в головы бедных ассистентов хирургические инструменты. И если даже в операционной безукоризненный порядок, уважающий себя хирург обязательно крикнет: „Что это за шелк. Черт знает, что это за шелк"! Потому — мода.

Вот из-за этой же моды погиб мой товарищ Мишка Бубков.

Я помню его в 1914 году в узких хромовых сапогах. Прихрамывая, он жаловался, что эти проклятые сапоги жмут и трут ему ноги. На мое предложение: „А ты их сбрось" он презрительно фыркнул и процедил:

— Надо, голубчик, терпеть. На то мода.

И терпел. В эти же годы в нашем городе была мода брать себе в жены сестер милосердия. А когда узнал, что жена его ежедневно стукает по физиономии шлепанцами и запирает его на ключ в комнату, чтобы он никуда не уходил, я сказал ему:

— Разведись ты с этой стервой.

— Что ты,— замахал он на меня руками,— ведь она сестра милосердия...

В 1917 году он по этой же моде записался в партию эсеров и ударником поехал на фронт. В 1918 году он нюхал кокаин и пел: „Ваши пальцы пахнут ладаном"... В 1919 он ходил в кожаной тужурке, обвешанный наганом, цейсовским биноклем, полевой сумкой и кавказской шашкой. На ботинках его блестели шпоры. В начале нэпа он играл в кино...

И вот совсем недавно я его встретил взлохмаченного, пьяного, неумытого. Он поцеловал меня в губы и, икнув, сказал, хлопая по карману своего пиджака:

— Видишь, крюк. Хороша игрушечка! Завтра на нем повешусь...—и упав ко мне на грудь, продекламировал: „В весенний вечер под окном, на рукаве своем повешусь"... Скучно мне... Пиво и водка — единственное утешение... „С бандитами жарю спирт"... А завтра повешусь. Два раза вешался—сняли. Топился—вытащили. А теперь прощай. Все пропало...

— Мишка, но ведь это сейчас не модно,— сказал я как можно спокойней.

— Как не модно,—встрепенулся он. - Самый последний крик моды.

— Ничего подобного Это было модно полгода тому назад. А сейчас—туризм. Вон, Пашка Соловьев пошел пешком в Индию, Сергей Щевелев, знаешь, на что уж модник, поехал на велосипеде в Египет, Ванька Зухер побежал на Северный полюс... Удивляюсь, почему ты, Мишка, так отстал? Я был о тебе совсем другого мнения.

— Так ты это серьезно?

— Честное слово.

— А как по по твоему, если махнуть в Персию? Идея, а?

— Чудесно.

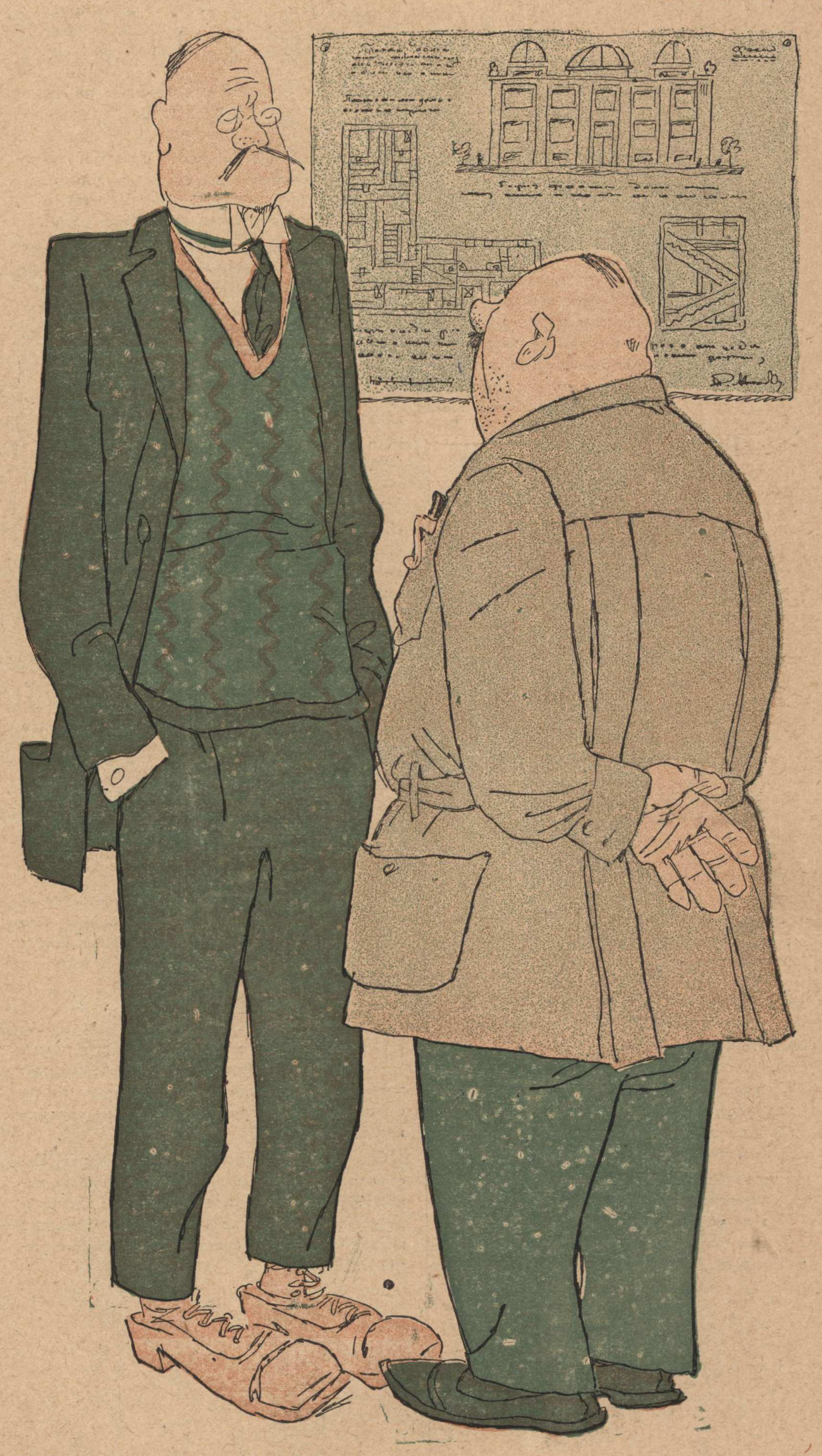
-- Сегодня же куплю себе шляпу, финский нож. И в путь дорогу. Чорт возьми, а я еще думал, что в моде вешаться... Как же я так. Спасибо, друг, что сказал. Побегу, побегу...

И он побежал.

Б. ЛЕВИН

СЕЗОННАЯ ШТУКА

Рис. Б. Антоновского

— Вот домик модной архитектуры.
— Но он, вероятно, долго не продержится?
— Мода, батенька, вещь недолговечная — больше одного сезона не держится

Готовится специальный детский номер

Текст И. Свэна

Иллюстрации Ив. Малютина

О КРОЙКЕ и ШИТЬЕ

НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР.

...— Ужо погоди, бесстыдница! Мы тебе руки-ноги переломаем!

Искусство кройки и шитья было известно еще в самой глубокой древности.

Доисторические времена

Даже в доледниковый период существовали профессиональные портные.

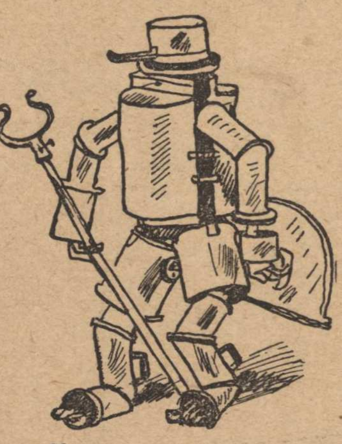
Уже тогда не хитро было встретить рядом с входом в доисторическую пещеру высеченную на базальтовой скале надпись:

> Мужской и женский портной из Парижа.
> Заказы и починка.
> Вход — рядом.

В самой же пещере происходили примерно такие сцены:

— Целую ляжку бронтозавра за паршивый пиджак,— возмущался волосатый заказчик,— и это — после снижения цен?

— Извиняюсь,— почтительно, но с сознанием собственного достоинства говорил делувиальный портной,— снижение до нас не касаемо. К тому же,— он тыкал пальцем в шкуру давно облысевшего барса,— обратите внимание на материал. Сами видите, заграничный товар наивысшего качества. Опять-же, и доставка. Вот крест, на одну пошлину два мамонтовых бивня ухлопал.

...Кастрюля вместо шляпы, железное корыто в качестве пиджака—таков был костюм рыцаря-дворянина.

Портные того сурового времени почти ничем не отличались от нынешних.

Так же не выполнялись заказы в срок.

Так же, как и теперь, достаточно было любого, ничтожного даже происшествия, вроде очередного потопа, чтобы материал и задаток заказчика беззастенчиво зажиливались портным.

Античные моды

В древние века, в Греции, а позже и в Риме портновское искусство не только не развивалось, но пришло в заметный упадок.

Причиной этому были античные моды.

В костюмах своих и римляне ограничивались тем, что закутывались в купальные простыни и в таком виде разгуливали по городу и даже являлись на службу.

Многие же, особенно женщины, по причине не менее хронических, чем теперь, мануфактурных кризисов обходились и вовсе без простынь.

Пиджак с идеологией.

Пиджак а ля Соловки.

Беспартийный костюм.

Понятно, что все это отражалось на и без того незавидном положении местных портных.

И если неорганизованные массы встречали появление этакой сильно декольтированной античной Фрины вполне одобрительно (отсюда и выражение — „антик с мармеладом“), то безработные портные нередко устраивали враждебные демонстрации и откровенно грозились:

— Ужо, погоди, бесстыдница! Мы тебе все руки-ноги переломаем.

И надо сказать, что эти угрозы не раз приводились в исполнение, доказательством чего может служить хотя бы популярная статуя небезызвестной Венеры Милосской.

Средние века

Позже, в средние века, дела портных пошли еще хуже. Крестьянам и мастеровым, как известно, было не до нарядов. Дворяне же ни с того, ни с сего пристрастились к металлическим вещам.

Фактически портным сделался жестяник. Кастрюля вместо шляпы, сковорода вместо манишки, железное корыто в качестве пиджака и роскошные галифе из даже не оцинкованных ведер,— так в был костюм средневекового рыцаря-дворянина.

XVIII век

Уже с начала XVIII столетия дела портных заметно улучшаются.

Правда, сначала с ними успешно конкурируют бондари настолько, что одно время функции дамских портных целиком переходят к ним.

Чувствительная и мечтательная синьора влезала в обыкновенную бочку из под воды или кваса; обручи обшивались кружевами и кисеей; к голове пристраивалась кухонная корзинка и костюм шикующей модницы тех дней был готов.

Позже солидную бочку заменил изящный боченок; еще позже бондари окончательно отошли от этого деликатного дела.

...Чувствительная синьора влезала в обыкновенную бочку

Эпоха капитализма

Настоящего и бурного расцвета искусство кройки и шитья достигает лишь в эпоху капитализма.

За недостатком места мы лишены возможности подробно остановиться на последних достижениях. Укажем лишь, что современные портные обслуживают не только буржуазию. Так, для рабочих любой демократической страны изготовляется достаточное количество смирительных рубашек.

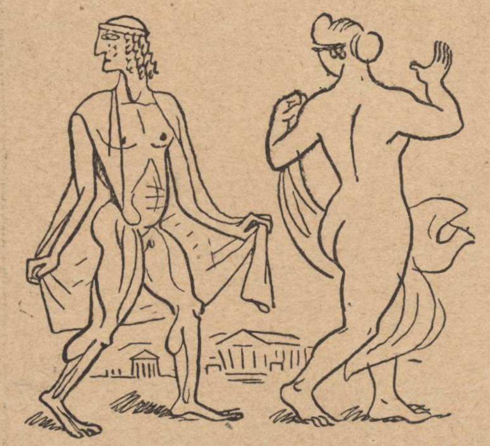
...Даже в доледниковый период существовали профессиональные портные.

Красная игла

СОВЕТИЗАЦИЯ швейного дела проведена пока далеко не в полной мере. До сих пор, например, отсутствуют точные стандарты, твердые советские моды и т. п.

А жаль!

Пора всерьез подумать об узаконении господствующих ныне мод.

... В древние века, в Греции, женщины закутывались в простыни и в таком виде являлись на службу.

Примерные образцы:

1. Пиджак с идеологией (для ответственных работников) носится поверх косоворотки; обязательны — самопишущее перо и значок Осоавиахима или Мопра.

2. Пиджак для Соловки. — От первого отличается узкой талией и отсутствием значков. Вместо пера — платочек; вместо косоворотки — крахмальный воротник; носится до Соловков и после.

3. Беспартийный костюм (для совслужащего).— Приобретается по рабкредиту. Толстовка. Брюки без складки. Удобен при визитах к фининспектору.

Ограничившись этим немногим, коснемся и дамских мод.

Не вполне ли своевременно проработать вопрос хотя бы о „костюме молодой машинистки“, о „вечернем туалете жены ответственного“ и т. д.

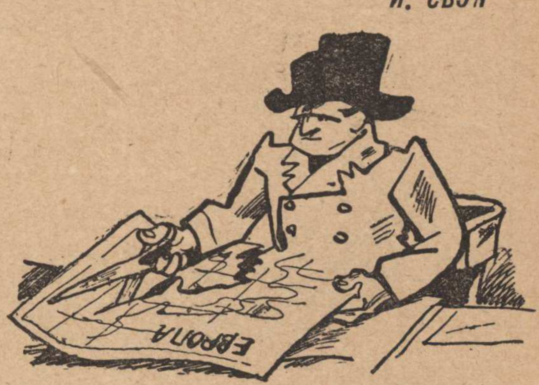
Мировые закройщики

СРЕДИ портных имеется целая плеяда закройщиков, не довольствовавшихся кройкой скромных пиджаков и брюк, но неоднократно пытавшихся перекроить карту мира.

Не останавливаясь на таких популярных закройщиках, как Наполеон, Бисмарк и т. д., упомянем о всем нам памятной и явно жульнической попытке.

Именно той, о которой справедливо говорят: — „И кроено-то в Версале, и шито белыми нитками“.

И. СВЭН

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Одеть их по форме!

Последний ослиный крик одесской моды...

„В Одессе организовалось об'единение друзей наготы (Одрунаг), рассылающее одесситам соответствующие декларации.

— Да здравствует свободное тело, а в нем такой-же дух! Стоит вам выйти на улицу голышем и — кончено: вы уже новый человек... За границей мужчины и женщины проводят время в абсолютной наготе... (?!) Сочувствующие, об'единяйтесь! С этой целью носите на левой стороне груди зеленый бант...

Бант прикалывайте к телу английской булавкой — толстая кожа все выдержит!

Для задержания этих одесских толстокожих,— милиции раздеваться до-нага не следует: их можно одними голыми руками взять!..

И... направить в соответствующее учреждение на предмет выдачи присвоенной деятелям „Одрунага“ единственной проз-одежды:— смирительной рубахи!

00

Язык цифр — сейчас самый модный и всем понятный язык!.. Об этом, видно, знает прилукский горсовет и не только разговаривает с населением на таком языке, но даже издает обязательные постановления.

Напрасно, однако, прилукский горсовет дальше языка „двух нолей“ не идет...

Пункт 5-й обязательного постановления № 2 прилукского горсовета гласит:

„Уборные должны состоять не меньше как из 2 отделений, причем число чок (!) в каждой из них должно быть по расчету не менее как по одной на 30 человек.

Сложный расчет!.. Надо было еще более расщедриться и в административном пылу повелеть, чтобы число „чок“ в уборной было-бы приспособлено для... сорока человек и восьми лошадей...

Впрочем, так оно само по себе и получилось... Для удобства читателей рядом с „чоком“ повесим на гвоздик и само постановление!

Модная „ударная“ компания

Белогвардейцы всех цветов и мастей ударяют сейчас во все колокола, чтобы вызвать новый „крестовый поход“ против Союза ССР.

Этим делом занимаются, между прочим, и члены изгнанной из Адзербайджана контрреволюционной партии „Муссавит“.

Не они-ли выпустили в свет в Адзербайджане хрестоматии для школ 1 ступени „Краат Китаби“?..

Вот — как там, напр., поучают детей:

— „...Культура, завоеванная не на основе религии, не является-ли страшным ударом для человечества?..

Пока в международном спертом воздухе прозвучал другой удар... Ударили по рукам адзербайджанские и прочие меньшевики с царской николаевской заграничной шайкой!..

Вот почему они сейчас в таком ударе!..

Кстати о „царях“

Белые газеты, в связи с тем несомненным обстоятельством, что на этих днях (в пятницу — субботу) на Московский трон в Кремле воссядет Кирилл I,— заявляют:

„У Его Величества крутой характер. Россия такого царя не видала“.

„Крутой характер“ — говорите?.. Спаси Господи, люди твоя... Бедные парижские кокоточки!.. Каково им приходится?.. Не одну рубашку снял уже с них крутой царь и... ни одной обратно не отдал... Все на базар носит!.. Ну, и характер у этого ...как-его... царя... Действительно, аховый!!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Купоросу.— В пространство.

У Чемберлена — Чан-Кай-ши
Монету взял „на запиши“...

А вы-то тут причем? Чан-Кай-ши взял **„на запиши“**,— а с чего вы вдруг **записали** да еще стихи? Должно быть, **недоразумение**!.. В этих китайских делах сам чорт ногу сломит!..

Анне Пилькиной — Саратов.

„Предлагаю для „Смехача“ — игру слов:
Чем берлен-бы ни тешился, лишь бы мы ответили ему!“

Мы с своей стороны, предлагаем вам другую игру слов:
— Не подходит!.. Глупо!..

Федору Л.— Ал. Черикову.— NN.— Фиолеткину.— М. Пур.— Советкину.

Не галдите все сразу!.. Что вам угодно?. Пойдут-ли ваши стихи?.
Да!.. Пойдут... в корзину!..

С. Косолапину.— Воронеж.

„Я очень люблю „Смехач“ поэтому посылаю вам свой рассказ“.
Мы также очень любим „Смехач“ поэтому вашего рассказа не поместим.

Издатель — „ГУДОК“. Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

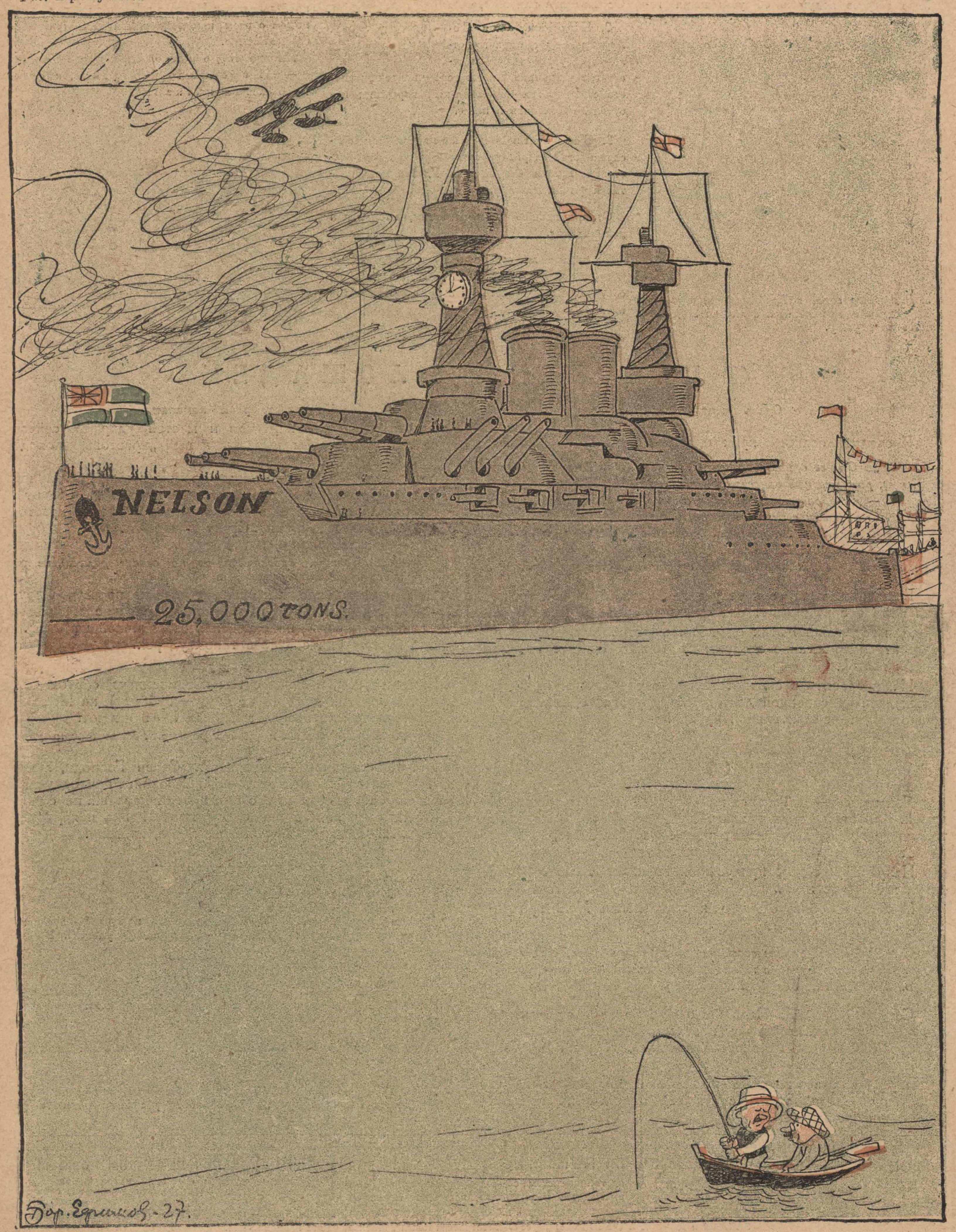
Главлит № 91.720. Отп. в типо-литографии „Искра Революции“ Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипп. п., 11. Тираж 110.000.

ХОРОШИЕ ТОННЫ

... Разговоры о дальнейших морских разоружениях продолжаются.
... В Англии спущен на воду сверхдредноут „Нельсон".

Из телеграмм.

Рис. Бор. Ефимова

— Наконец-то дело разоружения идет на лад. Англия как будто спустила тон.
— Не один, а целых двадцать пять тысяч тонн!